

КАУНАССКИЕ КОЛОКОЛА

Баха, Чайковского, Чюрлениса... слушает город

В Каунасе — городе с необыкновенной историей — есть древний замок и улочки средневековья. Есть памятники борьбы против фашизма и неповторимые музеи. Имя города значится на современных станках и радиодеталях. Наконец, не каждому городу повезло быть украшенным голубыми лентами сразу двух рек — Немана и Нерис. Всем этим каунасцы справедливо гордятся. Но, рассказывая о городе, каждый из них с особым чувством напомним: «Обязательно послушайте колокола. О, наш Купрявичус...»

В условленное время я был в центре Каунаса на площади у исторического музея. В едином архитектурном ансамбле с его зданием — большая серая башня. Ее тяжелые бетонные стены уходят в небо и обрываются выше крыш окружающих зданий. Заманчиво желание подняться на ее вершину. Но узкая прочная дверь внизу закрыта. Ее открывает только один человек — литов-

ский композитор Витаутас Купрявичус.

А вот и он. Идет ровной, размеренной походкой. Его высокая, немного сутулая фигура выделяется среди окружающих. поприветствовав меня, он тихо сказал:

— Туда посторонним нельзя. Но вы сегодня мой помощник.

Так мне посчастливилось оказаться за толстыми стенами башни, где гулко разлеталось эхо шагов. Ступени уступами шли вдоль стен и где-то там, вверху, почти сливались.

— Меня не ждите, ступайте вперед, — сказал он. — Мне семьдесят восемь и подниматься непросто. Но не делать этого я не могу. Потому что их музыка, — при этом он показал вверх, на колокола, — должна жить. Ее любят мои земляки, ее хотят слушать многие и многие люди...

Действительно, в тот вечер площадь перед башней была

заполнена народом. А автобусы с туристами все прибывали. Необычные колокола стали своеобразным символом торжеств и ярких праздников литовского народа.

Много лет назад в тихом дворе большого здания была возведена башня с колоколами и механическим устройством. С его помощью колокола отбивали две религиозные мелодии. Но недолговым оказался иностранный механизм, и колокола замолкли. Шли годы. С грустью поглядывали каунасцы на башню. К счастью, в их городе жил и творил известный композитор, человек увлеченный, с характером первооткрывателя. Купрявичус знал и любил весь город — от мала до велика. И сейчас дети поют его песни. Много лет он сочинял для них веселые оперы-сказки и сам ставил на школьных сценах.

Когда его попросили посмотреть старый механизм, он ре-

шил не восстанавливать его, а создать все заново, чтобы самому играть на колоколах. В 1957 году, на шестидесятом году жизни, Витаутас Купрявичус стал дарить людям неповторимые мелодии.

...Мраморные ступени закончились, и мы остановились перед деревянной лестницей, почти вертикально уходящей вверх. Вокруг было темно, но композитор привычно прошел к ставням и раскрыл их. Под куполом бойницы я увидел колокола! Огромные и величавые, они висели двумя рядами, плавно уменьшаясь. От их тяжелых языков проходили металлические пластины, которые собирались в длинный ряд. В специальной кабине музыканта они соединялись с деревянными ручками, образующими своеобразную клавиатуру. Купрявичус раскрыл нотную тетрадь, чуть касаясь, потрогал «клавиши». Помедлил. Потом резко нажал их. Неожиданно

с вершины башни с неистовой силой стал падать колокольный звон. Разной высоты и тональности звуки сливались в одну мелодию, которая, словно встревоженная птица, взлетела над городом.

В первый раз непривычно слышать такую музыку, особенно, когда в звоне колоколов узнаешь знакомую мелодию.

Не шелохнувшись стоят у подножия башни люди. Их взгляды прикованы к ее вершине. Видимо, есть в металле какая-то магическая сила. Многие века будили колокола людские сердца, вызвали слезу и улыбку, тревогу и надежду. Музыканты едины во мнении, что даже очень знакомая мелодия в исполнении на колоколах буквально потрясает — все слышишь будто впервые.

Неожиданно звон затихает. Пауза длится недолго. Ровно

столько, чтобы перевернуть нотную страницу и чуть отдышаться. Но вот снова раздается звон. И снова словно из разноцветных камней составляется мозаика дивной музыки, которая еще долго плывет над площадью, над парками и домами. В такие минуты, кажется, затихает все вокруг и властвует только музыка.

Концерт окончен, но Купрявичус не торопится вниз. Его руки по-прежнему лежат на клавишах. А в моем сознании еще звучат непривычные звуки знакомых мелодий. В тот вечер звучали «Интернационал» и революционные песни.

— Из одного колокола можно извлечь разную тональность, — рассказывает Купрявичус. — Все зависит от рук музыканта. Мы часто играем с сыном моим Гедрюсом в четыре руки. А когда-то вместе начинали осваивать игру.

Гедрюс Купрявичус пошел по стопам отца. Он закончил

Вильнюсскую консерваторию, стал композитором, страстным пропагандистом музыкального искусства. Он — ответственный секретарь Каунасского отделения правления Союза композиторов Литвы.

— Наш репертуар широк и разнообразен, — продолжает Витаутас Купрявичус. — Играем произведения Баха, Шумана, Чайковского, Гайдна, Чюрлениса... Музыку этих композиторов мы исполняем и на выездных концертах. Каждую осень мы с сыном даем концерты в Германской Демократической Республике — играем на колоколах городов Эрфурт и Карл-Маркс-штадт.

Он замолчал, о чем-то подумал. В его прищуренных глазах мелькнула веселая искорка, и он сказал:

— А теперь послушайте — я сыграю, что написал сам. Это — «Веселые колокола».

Над вечерним Каунасом понесся веселый перезвон, чем-то напоминающий многоцветье весенней радуги...

Н. ИНИН.